РУССКИЙ ИВАН

Совсем недавно, на прошлой неделе, мы отпраздновали День защитника Отечества. Праздник, который сегодня звучит иначе, чем в былые годы, когда мы его отмечали , как «день мужчин».

Но в последние годы этот праздник наполнился иным, грозным и весомым содержанием. И мы решили поговорить об этом, используя такой повод, как именины Ивана. В 2025-м году по православному календарю Иваны отмечают именины 191 раз! В феврале – 16 раз; и последний раз – 28-го февраля!

Поговорим о русском Иване.

«Русский Иван» - стало во всем мире нарицательным. А между тем, корни имени – древнееврейские; от древнееврейского Йохан, что означает «бог милостив», «божья милость», «божье вознаграждение». То, что имя так «пришлось» России, связано, может быть, с тем, что в древности всех славян называли «ванами», по имени прародителя славян Вана, внука Перуна.

«Программа» имени – хороша!

Иван – боец и трудолюбец, он всегда готов постоять за правду и справедливость. Более того, подчеркивается, что у него обостренное чувство справедливости. Это прекрасно иллюстрируют русские сказки.

Во всех сказках Иван – «царевич» ли, «крестьянский ли сын» - младшенький, рожденный для утешения родительского сердца: «во младости на поглядение, а под старость – на прокормление». Но Иван не соглашается с такой «уютной» долей: «Не к лицу мне дома оставаться… пойду и я с чудом-юдом биться!». И бьется Иван с умом, да умением, так, что старшие братья единодушно нарекают его «большим» среди себя.

В то же время, Иван отнюдь не «убивающая машина». По природе своей, он дружелюбный, жизнерадостный, мечтательный; он ценит красоту во всех ее проявлениях и всегда готов пощадить и благословить любых «малых детушек» - волчонка ли, вороненка ли, щуренка ли,(вспомним сказку «Кощей Бессмертный»). Он к миру – с добром и мир ему откликается тем же. Вот характерная пестушка для маленького Ванюши:

– Что Ваня делает?

– В лесу гуляет.

Его потешают:

Гуси в гусли,

Утки в дудки,

Чечетки в трещотки,

Перепелки в сапелки,

Чайки в балалайки,

Свиристели в свирели.

Синицы в скрипицы,

Кукушки в свистушки,

Скворцы в бубенцы,

Рябчики в органчики,

Соловейки в жалейки,

Соколы в колоколы.

Между прочим, недаром разнообразные птицы обращаются к Ванюше так сказать, с «творческими» дарами – в матрице имени есть «повышенная эстетическая восприимчивость»! И во всяком деле Иван склонен к нестандартным, творческим решениям; здесь вспоминаем еще одного сказочного Иванушку – Иванушку-дурачка, который «что не сделает, все у него смешно выходит – не так, как у людей». Не идет он проторенными путями, не следует затверженным житейским догмам и часто именно поэтому оказывается в выигрыше!

В русской художественной литературе имя Иван не обойдено вниманием, в том числе, и в литературе детской. Приоткроем галерею литературных Иванов!

Вот Ваня из рассказа И.С.Тургенева «Бежин луг». Этому Ванечке «всего семь лет»; писатель подчеркивает его «тихость», его «русую кудрявую голову», его «свежее личико» и его «большие тихие глаза». Сразу видно, что мальчонка мечтательный, добрый - вон как радуется он «божьим звездочкам», которые «что пчелки роятся»! Истинный, хрестоматийный Ванечка!

А вот Ванька Жуков из знаменитого рассказа А.П.Чехова. Чуть постарше тургеневского героя, «девятилетний мальчик», а уже «отданный в учение к сапожнику Аляхину». Из родной милой деревни – в чужую, недобрую к нему, Москву, где даже «собаки все злые».

Нелегкое у него житье! Подмастерья над ним подиздевываются, «хозяин бьет, чем ни попадя», хозяйка заставляет по ночам ее «ребятенка нянчить».

Забитый ребенок? Мы видим, что пока он пишет свое письмо «на деревню дедушке», он то «прерывисто вздохнул», то «всхлипнул», то «судорожно вздохнул». Однако, душа мальчика не «забита», она живая, его душа! Вспомним, от чего больше всего томится и страдает Ванька: «…а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу». Да, ему голодно – ему, растущему мальчишке, дают только хлеб, да в обед каши, «а чтоб чаю, или щей, то хозяева сами трескают». Но пуще этого голода, гнетет его «голод души» - полное

отсутствие ярких, значительных впечатлений, моментов одушевления, радости – всего, на чем растет и развивается душа ребенка.

Судя по всему, не в чести это имя было у Н.В.Гоголя. Три колоритных персонажа наречены этим именем, и у всех «колорит» с ярко отрицательными коннотациями: Иван Иванович и Иван Никифорович из повести «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и Иван Александрович Хлестаков из комедии «Ревизор».

Двое первых – образцовые небокоптители, целыми днями «отдыхающие» под навесами и услаждающие себя чревоугодием: Иван Иванович «очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни…»; «Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит себе поставить в воду стол и самовар и очень любит пить чай в такой прохладе…».

Живут они без цели, без смысла; их мысли, чувства и желания мелки и ничтожны – что еще заиметь, что «откушать», чем еще себя «потешить»; при этом, они «почтенные люди» захолустного Миргорода!

Не то Иван Александрович, он то – «столичная штучка»! Молодой человек «недурной наружности», «одет по моде», умеет обаять и увлечь. И запросы, вроде бы у него повыше: «душа моя жаждет просвещения», «точно нужно чем-нибудь высоким заняться…». Но все это, на поверку, не более чем столичная «пыльца», а все «просвещение» и «потребности» укладываются в весьма примитивную программу: «погулять по проспекту», «иногда очень заманчиво поиграть», «на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия».

Все три Ивана, в данном случае, пример сбоя программы имени, обусловленной обстоятельствами воспитания и формирования личности, когда положительные потенции превращаются в свою противоположность: хлебосольство – в чревоугодие, жизнерадостность – в эгоистическое стремление искать в жизни одних удовольствий, общительность – в использование людей для собственных интересов и т.д.

Кстати, как такой сбой может происходить, замечательно продемонстрировал Л. Давыдычев в маленькой повести «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника»,(пусть простится мне такой перескок во времени!).

Восьмилетний Иван Семенов – парень видный: «Представьте себе крепкого, рослого мальчишку с наголо стриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на нее налезет. И этот богатырь учится хуже всех в классе. А честно говоря, учится хуже всех в школе. Иван не любит учиться, и жизнь для него – сплошная мука».

А произошло все это от того, что случилось Ивану тяжело заболеть и во время болезни его так разбаловали и разнежили, что ему это даже очень понравилось.

Боже мой, сколько недюжинной изобретательности,(все же, «ивановская» закваска!), изворотливости проявляет этот мальчик, чтобы не учиться и избежать каких-либо

обязанностей! Великолепные творческие задатки, обращенные, увы, во вред себе и людям…

Еще два Ивана – из одного и того же времени – Ванюшка Солнцев из повести В.Катаева «Сын полка» и Иван из одноименной повести В.Богомолова.

Два ребенка, вовлеченные в большую, взрослую, страшную войну. И в том, и в другом ребенке война запустила их «ивановскую» программу защитника. Как меньшой Иван в русских сказках, они уверены, что «уже родились и на бой сгодились». Беда только в том, что сказочный Иван, хоть и меньшой, но все-таки уже возрастом «добрый молодец», а здесь – дети…

Война совсем не детское дело и вторжение войны в детство неизбежно его разрушает и отнимает. Этот страшный контраст детско - недетского все время подчеркивает В.Богомолов. «Совсем еще ребенок, узкоплечий, с тонкими ногами и руками»; «улыбнулся … обрадованно, совсем по-детски»; «такой худенький, малосильный мальчик». И одновременно: «настороженно-сосредоточенный взгляд»; «лицо угрюмое, не по-детски сосредоточенное, с морщинками на выпуклом лбу»; «над правой лопаткой, багровым рубцом выделялся шрам от пулевого ранения»; «глаза вспыхивают лютой, недетской ненавистью». И говорит он взрослые тяжелые вещи: «…пока война, отдыхать может тот, от кого пользы мало».

«Польза» от ребенка?! Изначально, эта «польза» в его возможности вырасти, раскрыться, может быть, чем-то неповторимым одарить этот мир. А здесь… Польза, что ты маленький и щуплый – легче пролезть незаметно, затеряться, не привлекать внимания…

Другой Иван, Ваня Солнцев, он помладше своего тезки, и, может быть, поэтому война не так круто переломала его,(еще достаточно прочна защитная солнечная кожура детства, недаром же он – Солнцев!). Детское в нем живет, не смотря на перенесенные лишения, радостно оживает при малейшей смене обстоятельств: «Сердце его было полно бурной радости оттого, что он останется жить у разведчиков, у этих прекрасных людей, которые обещают его постричь, обмундировать, научить палить из автомата...". » Учтем еще и то, что жанр здесь совсем иной – не жесткая проза, а, скорее, сказ. Посмотрите на портрет Вани, он насквозь лубочный! ««Действительно, в своих коричневых домотканых портках, крашенных луковичной шелухой, в рваной кацавейке, с торбой через плечо, босой, простоволосый мальчик как нельзя больше походил на пастушонка, каким его изображали в старых букварях. Даже лицо его — тёмное, сухощавое, с красивым прямым носиком и большими глазами под шапкой волос, напоминавших соломенную крышу старенькой избушки, — было точь-в-точь как у деревенского пастушка».

Поэтому, все так ладно складывается в его жизни. Этот мальчик взят не для «пользы», он взят действительно «в сыны» - уберечь, согреть мальчонку и, одновременно, оттаять в соприкосновении с детством свои сердца, ожесточенные и выхолощенные войной…

Мои последние любимцы – Иванушки – это Иван Творогов из повести Н.Дашевской «Поиск звука. Творогов» и Иван Васькин из повести Э.Веркина «Осеннее солнце».

Иван Творогов – подросток с выраженной, свойственной Иванам, склонностью к свободе, проявляющейся, в частности, в том, что они не хотят следовать стандартам,(снова вспомним Иванушку-дурачка!); они придерживаются собственных решений.

Иван Творогов всегда стремится «сломать шаблон». Он умный, начитанный, ироничный. Он за всех желающих пишет сочинения,(и не как-нибудь, а чтобы попадать в стилистический портрет личности каждого заказчика!), и получает пятерки и четверки. А за свои, от себя, сочинения – привычные двойки: «Я лентяй и двоечник, так привык. Мне удобно». Удобно, чтобы отстали, не притязали на него, не пытались встроить в какую-то колею. Он хочет только свой путь: «Смотреть и ходить. Такой у меня план на жизнь».

При этом, он прекрасно понимает, что такой «план на жизнь» вызывает у окружающих в лучшем случае недоумение: «…если человек просто смотрит в окно – он лентяй и бестолочь». Но Иван то, не просто смотрит, а «осознанно»! «Я на все смотрю. И все вижу. Я – не мимо, я все пропускаю через себя».

Он противится любой попытке его «ускорить»; он хочет идти своей дорогой, своим шагом, в своем темпе. Ему то и дело говорят: «Ты совсем дурак что ли?». А он отвечает: «Дурак, да не совсем», признавая внутреннее родство с теми, фольклорными, Иванушками-дурачками, которые тоже все делали «не так», вопреки стандартной житейской логике, все «по-своему». Но ведь сказка не зря позволяла восторжествовать этому нестандартному взгляду на жизнь! Житейская логика, канонические традиции – все это важно и нужно, никто не спорит; это все поддерживает жизнь в ее безопасных берегах. Но двигают жизнь часто именно «дураки», способные увидеть новые возможности и новые пути.

И еще один Иван – Ваня Васькин, герой повести Э.Веркина «Осеннее солнце».

Ваня Васькин – это своеобразное усиление одного имени другим. Вспомним, Иван – «божья милость», «вознаграждение». А Василий – «царский», «правитель».

Ваня Васькин – и «милость», и «правитель» для своего «царства», своей малой родины – села Туманный Лог, («мы –село»,- говорит о себе Ваня).

О, когда-то Туманный Лог было село,(селище!), как на картинке к сказке «Конек-горбунок», где на чудо-юдо рыбе-ките раскинулось село – с домами, теремами, церковью, колокольней, дубравой и пашнями…

А сейчас в Туманном Логе осталось три семьи, «кит давно околел, человечество разбежалось, колодцы вросли в мох, а мельница уплыла». Неотвратимое исчезновение Туманного Лога, грозные признаки которого читаются каждый день во множестве ранящих деталей, у героев вызывает разную реакцию. У «заклятых подружек» Вани, Саши Шныревой и Наташи Дрондиной – от какого-то гибельного восторга,(«Чем скорее тут все навернется, тем лучше!»), до почти мистического покорного страха,(«Они все тут закончат, весь Туманный Лог»).

Интересно, что ни в одной женщине этой повести нет и следа женского инстинкта берегини, хранительницы и сберегательницы. Наоборот, от них исходит такая яростная, просто сумасшедшая агрессия, страсть к разрушению – оторопь берет и становится страшновато… Чего стоит вражда Шныревой и Дрондиной, являющая себя в фантасмагорических формах и масштабах!

«Берегиня» здесь – Ваня. В этом смысле, он в полной мере воплощает одну из краеугольных составляющих «ивановой матрицы» - защитника, хранителя. Для него важно, что его дому «без трех сто лет и стоит он на месте другого дома, который тоже стоял сто лет». И что тополь во дворе не просто тополь, а «наш семейный тополь… на него еще мой отец лазил, наверное, и дедушка лазил…». Он трепетно любит и знает здесь все – знает, где «золотой корень растет. И где можно набрать живицы для жевания. И где прячутся необычные фиолетовые лягушки…». Туманный Лог для него не «среда», не декорация, которую легко можно поменять, он - средоточие, то есть, место устремления всех душевных сил, место, объединяющее и объясняющее для него весь мир. Его взгляд не скользит, он приникает: « Высоко и прохладно, яблоневым цветом пахнет. И луг вниз, желтый, малиновый, зеленый, разноцветный, и блестящая синим, косая лука реки…».

Ему страшно, что все это под действием слепой, безликой силы, «на фиг оптимизируют! Все!», - как злорадно пророчит Шнырева. Пытаясь этому противостоять, Ваня собирает все, чем можно заинтересовать здесь людей: колодец с гигантскими пиявками, земляной колокол с таинственным орнаментом, вековой дуб, про который он сам придумывает миф, что его Пушкин посадил по дороге в Болдино, «реликтовые сосны», «у нас вода чистая». «климат, как на юге Франции» - «если у нас В Туманном Логе найдется что-то интересное, то сюда станут туристы приезжать…».

Но нет, нет… Энтропические процессы запущены и их не остановить. В последнем порыве, в последней надежде, Туманный Лог обращается к людям, для которых был отчим домом: невиданным урожаем яблок, настолько отягощающих ветки, что они «приблизились, точно протянули руки». Вишней такой, какой «никогда не видели, И не опадает… А терн? Терн и тот сладкий» ; даже экзотический топинамбур вдруг появился и прижился! «Словно все, что было вокруг, задержало дыхание и взглянуло на меня…».

Но, увы, ребенок – всегда невольник! И последнего сберегателя забирают у Туманного Лога: «Почему-то я знал, что больше не вернусь сюда никогда». А ведь он смог бы, смог! «У меня терпение в сто километров»,- говорит он о себе. И правда, стоит посмотреть только, как он управляется с этими двумя юными гарпиями, Шныревой и Дрондиной!

Эх, как же нам сейчас не хватает Иванов – «царевичей» ли, «крестьянских сынов» ли, «дурачков» ли!

Его Святешество, Далай-Лама 14-й как-то сказал: «Планете не нужно большое количество «успешных людей». Планета отчаянно нуждается в миротворцах, целителях, реставраторах, сказочниках и любящих всех видов».

Кусочек планеты по имени Россия очень нуждается сегодня в настоящих Иванах…